

СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ

ИСТОРИЧНОСТЬ И СМЫСЛ ИСТОРИИ В СВЕТЕ ФИЛОСОФИИ ЭКЗИСТЕНЦИАЛИЗМА

А.П. Глазков

Кафедра истории философии
Факультет социальных коммуникаций
Астраханский государственный университет
ул. Татищева, 20а, Астрахань, Россия, 414056

В данной статье предпринимается попытка рассмотреть такие фундаментальные для понимания сущности истории понятия, как историчность и смысл истории. Данные понятия исследуются на основе экзистенциально-онтологической интерпретации текста «Бытие и время». В статье показано, что в рамках онтологической феноменологии Мартина Хайдеггера понятие историчности сущностно связано с пониманием смысла истории, а понимание смысла истории и историчности вообще раскрывается через понимание собственной временности *Dasein*.

Понятия историчности и смысла истории играют большую роль в самознании человека. В условиях колоссальных исторически значимых трансформаций, которые переживает человечество в современную эпоху, философское осмысление истории и, соответственно, смысла истории приобретают особую актуальность. К тому же проблема смысла истории играет большую роль в философском понимании сущности самой истории. «История — сфера самореализации человека, и потому вопрос о ее смысле — один из наиболее принципиальных для философского миропостижения. Рассуждать о смысле истории сегодня — значит искать предназначение человека с точки зрения его вовлеченности в традицию и открывающегося горизонта будущего» [3. С. 9]. Поиск смысла истории или даже концептуальное отрицание всякого смысла истории принадлежит специфике человеческого бытия. Не менее важным является и осмысление историчности человеческого существования. Само слово «историчность» предполагает своего рода онтологический переход от исторической фактической конкретики к философскому осмыслению исторического процесса вообще. Сразу заметим, что в постановке вопроса об историчности речь идет не только о прошлом как таковом. В философском понимании историчности история — не есть прошлое, которое свершилось и ушло. История — это то, что противостоит прошлому, борется с ним [2. С. 3]. В понятии историчности история — это то, что бытийно

присутствует в современности, и не только в современности, но и в будущем. Мы придерживаемся мнения, что онтология и вообще онтологическое рассмотрение истории — это поиск постоянного, устойчивого, возобновляющегося в истории. Следуя этому направлению, мы приходим к положению, согласно которому понятие историчности есть онтологический уровень понимания истории. Этим онтологическое рассмотрение отличается от других возможных вариантов осмысления исторического процесса (1). В этой связи приобретает особое значение поиск и определение таких «структурных моментов», которые указывали бы на эту (онтологическую) постоянность в текущем и преходящем потоке исторического времени. Знание или, во всяком случае, ясное представление о таких моментах позволяет отделить случайное, мимолетное, несущественное от закономерно-бытийного в истории и позволит сосредоточиться на действительно историческом измерении человеческого существования. Таким структурным моментом, связанным с постоянством возобновления, является смысл истории. Хотя, по существу, «под этим термином подразумевается единство онтологического и гносеологического в историческом процессе», сама проблема выяснения смысла истории представляется трудноразрешимой [1. С. 7]. В этой связи представляет особый интерес (как один из вариантов) стремление выявить онтологическую проблематику смысла истории и историчности, отталкиваясь от онтологического понимания смысла жизни человека вообще. Именно этим, на наш взгляд, отличается рассмотрение смысла истории, которое Мартин Хайдеггер представил в своем знаменитом труде «Бытие и время». Сам Хайдеггер указывает в своих Кассельских докладах, что толчком к онтологическому пониманию историчности дает Дильтей, который в своем творчестве поставил вопрос об историческом бытии, то есть собственно историчности. Но в баденской неокантианской школе, которая, как пишет Хайдеггер, восприняла импульсы Дильтея, в частности у Риккерта, идея Дильтея об историческом была воспринята неадекватно его замыслу [6. С. 127].

Хайдеггер считал, что понятие историчности наука история (даже всеобщая) сама выработать не может. Никакой исторический материал, собранный историографией, не сможет приблизить к пониманию историчности как бытийному измерению исторического. Философия жизни Дильтея подошла вплотную к реальности, которую можно было бы назвать историческим бытием, но, как пишет Хайдеггер, «он не ставит вопрос о самой историчности, вопрос о бытийном смысле, о бытии сущего» [6]. Такая возможность открывается только после того, как сформировалась феноменология Гуссерля [6. С. 128]. Однако феноменология, о которой говорит Хайдеггер — это не совсем то, что создал Гуссерль. Это своего рода «онтофеноменология» (2) (или, как назвал ее в «Бытии и времени» сам Хайдеггер, «фундаментальная онтология»), которая представляет собой итог творческого переосмысления феноменологии Гуссерля в направлении так называемого онтологического различения. Онтологическое различение, или дифференция (Unterschied), — одно из ключевых моментов хайдеггеровской фундаментальной онтологии вообще. Суть ее в установке, исходящей из различения бытия и сущего. Хайдеггер пишет: «„Онтология“ коренится в различении бытия и сущего. „Различение“ уместнее назвать именем „разница“, в котором

отмечено, что сущее и бытие неким образом разнесены, разделены и вместе с тем соотнесены друг с другом, а именно сами по себе, а не на основании какого-то «различения». Различение как «разница» означает, что между бытием и сущем существует *разнесенность*» [5. С. 152]. Бытие — это то, что определяет сущее, мир как таковой (или, по Хайдеггеру, мир — это сущее в целом [5. С. 175]). Бытие исходнее, фундаментальнее сущего. Получается, что при всей своей близости бытие и сущее — это различные понятия. Сущее — это своего рода почва, материализованное основание, а бытие, по Хайдеггеру, «есть отказ от роли такого обоснования, отказывает во всяком основании, оно безосновно, оно без-дна (ab-gründig)» [5. С. 174]. Хотя сущее не отделено от бытия, и бытие не отделено от сущего (3), сущее вторично по отношению к бытию.

Именно таким образом, то есть отличая сущее (мир вообще) от бытия как источника сущего, Хайдеггер превращает феноменологию Гуссерля в фундаментальную (онтологическую) феноменологию. В результате открывается возможность преодолеть противопоставления субъекта (человека) и объекта (бытие). Человек — это и сущее, и бытие. Он принадлежит миру, но открыт бытию через понимание собственного бытия. Субъект — сам есть бытие, вернее, экзистенция (4), бытие-вот, бытие как эк-статика, выход-за. Этот субъект — человек, обладает способностью понимания собственного бытия. Именно это понимание бытийного в себе и делает возможным на путях феноменологического рассмотрения выявить смысл бытия как такового. Получается так, что познание здесь становится возможным как раз в силу онтологического устройства (экзистенции) самого человека, точнее, в силу его возможности быть открытым (в понимании) бытию, что предопределяет возможность понимания самого бытия. Бытие открывается своему сущему, и сущее открывает свое бытие в своем понимающем обращении к бытию.

В своем выдающемся философском труде «Бытие и время» Хайдеггер осуществляет такое «онтофеноменологическое» исследование экзистенции человека. Цель такого исследования сугубо онтологическая — это постижение через экзистенцию человека смысла бытия как такового. И вот в процессе данного исследования Хайдеггер также использует понятие историчности как бытийного измерения. Для Хайдеггера «вопрос об историчности есть онтологический вопрос о бытийном устройстве исторического сущего» [4. С. 403]. По его собственному признанию, понимание историчности Dasein, которое выражено в «Бытии и времени», возникло из усвоения идей историчности Ницше, Дильтея и Йорка фон Вартенбурга [4. С. 396—397]. Хайдеггер осуществил своеобразный творческий синтез этих идей и исследовательских феноменологических принципов Гуссерля. Существенным здесь является использование различения исторического и онтического, которое приводит Йорк в переписке с Дильтеем. Онтическое — это неисторическое, природное сущее, просто наличное. Напротив, историческое, а значит, и онтологическое, — это то, что напрямую связано с бытийным устройством такого сущего, которое понимается только через уяснение смысла бытия вообще. Понятие историчности можно отнести и к жизни отдельного человека, и к жизни целых народов. Историчность есть некий момент временности, указы-

вающий на неслучайное, бытийно значимое действие, событие. Историчность есть временное проявление бытия, которое и порождается человеком как сущим. И это временное проявление бытия (то есть историческое) есть необходимый момент бытия сущего (5).

Выход на понимание временности, в связи со смыслом бытия, открывает возможность Хайдеггеру сформулировать и концептуально развернуть понятие историчности в связи со смыслом истории. Целью онтологического рассмотрения Dasein было не само человеческое бытие как таковое, а бытие как таковое. Смысловая доминанта «Бытия и времени» не антропология, о чем указывал сам Хайдеггер, а онтология. Однако, рассматривая временность человека вообще (пусть даже как Dasein), Хайдеггер, на наш взгляд, отступает от чистой онтологии и вносит ее (как измерение) в само бытие человека. И этот своего рода поворот от онтологии к человеческому бытию, то есть теперь уже «от времени к бытию», определяется (концентрируется) Хайдеггером в термине «историчность». Получается, что, говоря об историчности, мы, в сущности, говорим как о бытии отдельного человека (антропология), так и о человечестве в целом (философия истории). Ключевым моментом данной историчности (как временения) будет также бытие к концу (бытие к смерти). Для Хайдеггера понятие историчности неотделимо от понятия временности. Понимание истории (то есть смысла истории) и историчности вообще раскрывается через понимание временности Dasein. В этом «путеводная нить» рассуждений Хайдеггера. Хайдеггер пишет: «Как история способна стать возможным предметом историографии, это можно извлечь только из способа бытия всего исторического, из историчности и ее укоренения во временности» [4. С. 375]. Само же временение как основофеномен не есть объект истории как науки. Оно рассматривается Хайдеггером как онтологическое основание исторического события, и в таком качестве должно быть тематизировано его онтологической феноменологией.

Специально о понятии историчности Хайдеггер говорит в пятой главе своего трактата «Бытие и время», которая называется «Временность и историчность». В этой главе Хайдеггер предпринимает попытку показать значение понимания историчности в контексте общей проблематики Dasein и бытия человека вообще. Обращает на себя внимание то, что в феноменологическом рассмотрении историчности Хайдеггер выделяет как бы два полюса или момента, составляющих онтологическое измерение историчности. С одной стороны, историчность, как говорилось выше, исходно укоренено во временности, и временение временности, таким образом, есть фундаментальное основание историчности. С другой стороны, история — это то, что принадлежит миру. Уже в обыденном (ближайшем) понимании мир истории — это мир наличных подручных (материальных) вещей. Как выше уже отмечалось, мир — необходимый и сущностный момент бытия человека. Человек — это бытие-в-мире. Мир — это сфера воплощаемости человеческих деяний. Поэтому мир, собственно, есть мир вещей. И эти вещи творятся, созидаются «во времени», то есть связаны с историей. Хайдеггер пишет, что «сущее исторично лишь на основе своей мирпринадлежности» [4. С. 381]. Но в то же время мир не имеет самостоятельно-

го бытийного статуса: «Мир же обладает бытийным родом исторического потому, что составляет онтологическую определенность Dasein» [4]. Мир — это определенность и конкретность, которую мы и можем видеть в историческом воплощении, то есть уже в прошлом, сотворенном, созданном. А это означает, что мир (сущее в целом) — это вторичное по отношению к бытию явление. Завершение есть конкретное воплощение в определенности. Воплощенность есть конкретика, фактичность, случившееся. Поэтому историчность также фактична и присуща бытию-в-мире. Хайдеггер пишет: «С фактичным Dasein как бытием-в-мире *есть* всякий раз и миро-история» [4. С. 393].

Итак, мир обретает характер историчности через Dasein. Лишь поскольку в своем бытии Dasein исторично, постольку и возможны вообще исторические события и факты истории. Но само бытие нематериально, и Dasein также нематериально в своем исходном существе. Оно, конечно, бытие-в-мире, но не сам мир. И если речь идет о понимании временности, то такое понимание не предполагает некое временное движение наличного мира, хотя именно это обыденным сознанием воспринимается в качестве первичного; именно то, что воплотилось и перешло в разряд прошедшего, воспринимается как историческое в первую очередь. История представляется как взаимосвязь этих наличных воплощенностей (в широком смысле этого слова, как фактов культуры) в своем движении во времени. Они перестают быть тем, чем были в длящемся «настоящем» мира, которое ушло в прошедшее и исчезло для настоящего нынешнего. Как подчеркивает этот момент Г. Хюни, «в настоящих вещах изменение и прошлое одновременно существует в настоящем. Это явление можно понять, если только понимаешь для себя и представляешь себе, что мир наличных вещей ушел» [9. С. 124]. Однако, по Хайдеггеру, вещи существуют внутри мира, а мир есть воплощаемость Dasein. Сбывается и исчезает Dasein, и исчезает его мир, и вещи мира теряют свое значение. Таким образом, мир есть событие Dasein. Хайдеггер замечает: «Что „ушло“? Не что иное, как *мир*, внутри которого они, принадлежа к взаимосвязи средств, встречали как подручное и применялись озаботившемся, сущим в мире Dasein. Самого *мира* больше нет. Но прежнее *внутримирное* того мира еще налицо» [9. С. 380]. Вещи, которые при этом остались, превращаются в музейные экспонаты: «Исторический характер еще хранимых древностей основан ... в «прошедшести» Dasein, чьему миру они принадлежали» [9]. А почему нет уже мира? Потому, что уже нет того, что было в его основании, нет источника этого мира. Нет того, что уже сбылось и уже не возобновляется в своем постоянстве. Значит историческое в онтофеноменологическом смысле — это не движение наличного как такового, а временное движение того, что определяет это наличное, что является первичным по отношению к нему. Именно это движение есть историческое в своей основе.

Таким образом, мир историчен по существу. Историчность мира (как и временение) не находится где-то вне мира. История совершается как бы внутри определенного мира, который создает Dasein. Историчность — это сам мир, «мир сам есть *событие*» [9. С. 124]. Получается, что Dasein исторично, как фактично экзистирующее (мир). Но само Dasein не может быть прошлым, уходить в про-

шное (как мир), оно может только сбываться. Это сбывание в мире и есть история, и историчность, но оно сбывается в своем постоянном возобновлении как актуализирующее настоящее, то есть во временении своей временности [4. С. 381]. Историчность мира основана на временении временности Dasein. Временение своей временности — это актуализирование в настоящем, то есть сбывание. А фактическая наличность (или подручность) есть то, что производится и творится Dasein по мере своей необходимости, в своем историческом сбывании. Первично исторично Dasein, вторично исторично «внутримирно встречное» как «подручное средство», так и «мироокружная» природа (как историческая почва) — это все «мироисторическое», «миропринадлежащее». Подручное же не может быть первично-историчным, хотя общепринятое понятие истории связано с ориентацией именно на это вторично историческое. Не все то, что принадлежит времени, может быть историчным. Временное, преходящее не имеет смысла без Dasein. Хотя в историографии встречаются истории учреждений, сооружений и т.п., но именно Dasein дает смысл истории и всем соответственно вещам мира в этой истории. Даже само существование историографии как описания истории имеет онтологическое происхождение из историчности Dasein [4. С. 376]. Историография, история как наука, — есть следствие историчности человека и его стремления понять себя.

Образование мира наличного — это есть уже следствие временения временности. А в самом временении нет ничего материального, как уже свершившегося. Временение — бытийная идеальная исходность и возможность. Как подчеркивал Хайдеггер еще до написания трактата «Бытие и время»: «...*Dasein* обнаруживает свое бытие в качестве времени. Время не есть нечто внешнее, некая матрица для событий мира; столь же мало оно есть нечто, что гудит где-то внутри, в сознании; время — это то, что делает возможным прежде-себя-бытие-в-уже-бытии-при, т.е. бытие заботы» [8. С. 337]. Таким образом, историчность (через временность) укоренена в заботе как целом бытия человека. Хайдеггер пишет: «Путеводную нить для экзистенциальной конструкции историчности предлагают проведенная интерпретация собственной способности Dasein быть целым и выросший из нее анализ заботы как временности» [4. С. 376]. Повседневность — несобственная историчность Dasein, а в бытии к конечности и собственному смыслу — собственная историчность. Только собственное бытие Dasein, основанное во временности, исторично. Историчность вообще открывается для понимания из собственного бытия Dasein, которое только и исторично.

Субъект истории (то есть создатель истории) — это человек как Dasein. Но так как бытие человека есть со-бытие (Mit-sein), то субъектом истории может быть и народ (общество). В этом смысле речь идет об «историческом пути» как судьбе и историчности целого народа, который действует как единое целое в своем собственном бытии. Поэтому онтологически историчность народа тоже проверяется тем, насколько собственно он вступает в свое бытие. Собственное же бытие связано с решимостью возвращения к самому себе из ошибочного истолкования себя, из растворенности в несобственном бытии, из «падения в мир», когда за первичное принимается «миропринадлежащее», фактическое. Хайдеггер пи-

шет: «И поскольку фактическое Dasein, падая, растворяется в озаботившем, оно понимает свою историю ближайшим образом миро-исторично» [4. С. 389]. Как уже выше отмечалось, по Хайдеггеру, падение в мир — это забвение себя. Размыкание забвения связано с решительным возвращением в собственную истину, то есть в понимание смысла собственной истории, к первичному и изначальному своему бытию (своего рода бытие к началу) (6). Ближайшее «мировое», вторичное, увлекающее в свое падение закрывает такое понимание и, соответственно, собственное исторически значимое возобновление.

Это возвращение к собственной возможности быть, к пониманию смысла собственной истории означает стремление овладеть своей судьбой как своим историческим путем и истиной для последующего возобновления. В этом заключается «судьбоносный исторический путь Dasein», которым Хайдеггер обозначал «событие Dasein в событии с другими» [4. С. 384]. Таким образом, историчность — это возобновление; возобновление осуществляется в возвращении; возвращение связано с решимостью. В решимости же осуществляется постижение собственного смысла. В возвращении к возобновлению свершается историческая судьба, судьба не как рок, а как собственная истина и предназначение. Хайдеггер подчеркивает, что в такого рода возобновлении нет ни роковой неизбежной предопределенности, ни повторения того, что уже сбылось. Решимость возвращает лишь к возможностям сбывшегося Dasein, которые и возобновляются [4. С. 385]. Таким образом, решимость — это момент свободы и уход от детерминации миром. Это избрание выбора, то есть освобождение от власти мира, и отдавание себя власти собственного смысла. В этом судьбоносном выборе и заключается сущность (и смысл), по Хайдеггеру, собственного исторического пути. В решимости заключается решительный поворот от забвения себя, от увязания в мире и растворенности в мире несобственного понимания к собственным возможностям для их возобновления. В этом повороте, в котором сквозит некая закономерность и необходимость, скрывается то, что можно назвать судьбой. Судьба — это исходное событие Dasein. Как пишет Хайдеггер: «Решимость, в которой Dasein возвращается к самому себе, размыкает всякий раз открывающиеся фактические возможности *исходя из наследия*, которое она как брошенная *принимает*» [4. С. 383]. Иными словами, это своего рода понимающее движение назад к возобновлению. «*Возобновление есть отчетливое преемство*, т.е. возвращение к возможностям сбывшегося Dasein» [4. С. 385]. Это обращение к самому себе есть «решительное» обращение к традиции. Традиция — это то прошлое, которое сохраняется и связано с настоящим. Это не просто прошлое, которое прошло и исчезло и осталось в качестве фольклора и музея, а то, что есть настоящее и актуальное для настоящего. Это то, что может рассматриваться как почва, необходимая для дальнейшего возобновления. В традиции есть открываемые Dasein собственные возможности, которые с необходимостью могут быть восприняты. И чем собственнее Dasein, «тем однозначней и неслучайней избирающее нахождение возможности его экзистенции» [4. С. 384].

Таким образом, судьба (исторический путь) есть собственная историчность (смысл истории) Dasein. А собственная историчность происходит из собствен-

ной временности. Хайдеггер подчеркивает: «*Лишь собственная временность, которая вместе с тем конечна, делает возможным нечто подобное судьбе, т.е. собственную историчность*» [4. С. 385]. Но, говоря о временности в контексте конечности, мы тем самым затрагиваем, прежде всего, такой модус временности как будущее. По Хайдеггеру, «если судьба конституирует исходную историчность Dasein, то история имеет свою сущностную весомость, и не в прошлом, и не в сегодня и его «взаимосвязи» с прошлым, но в собственном событии экзистенции, возникающем из *будущего Dasein*» [4. С. 386]. В этом развороте понимания на будущее, на наш взгляд, заключается ключевой момент для хайдеггеровской феноменологии истории — история как прошлое имеет свои корни в будущем. Из будущего, где обретается смысл истории и, значит, собственная судьба того или иного народа, обретает значение и прошлое как историческое событие. То, что может возобновиться, должно быть укоренено в будущем. И именно эта укорененность в будущем и делает событие собственной истории весомым и значимым. Но будущее может быть открыто только решительному и свободному пониманию (как овладение судьбой) в собственной историчности. Собственная историчность всегда жива, и «объективна», и истинна. Однако, как пишет Хайдеггер: «В несобственной историчности, напротив, исходная простертость судьбы потаена» [4. С. 391]. И здесь открывается путь для ошибочных суждений, ошибочного понимания, политически и идеологически выгодных фальсификаций, сознательных умолчаний, приукрашиваний. Dasein в бегстве от смерти, от себя самого «*теряет себя так, что должно лишь задним числом собирать себя, извлекая из рассеяния и измышляя себе для этой собранности некое объемлющее единство*» [4. С. 390]. Затерянность в людях и в миро-историчном — это бегство от смерти, а значит, от собственной судьбы и непонимание собственного смысла истории. Непостоянное Dasein актуализирует свое «сегодня». Вот, что об этом пишет Хайдеггер, сравнивая собственное и несобственное понимание истории: «Люди уклоняются от выбора. Слепые для возможностей, они неспособны возобновить бывшее, а удерживают и поддерживают только остаточное «действительное» бывшего миро-историчного, рудименты и наличные свидетельства о них. Потерянные в актуализации сего-дня, они понимают «прошлое» из «актуальности». Несобственно историчная экзистенция, загруженная неопознаваемыми уже для нее самой пережитками «прошлого», ищет, наоборот, модерна. Собственная историчность понимает историю как «возвращение» возможного и знает о том, что возможность возвращается, лишь если экзистенция судьбоносно-мгновенно-очно открыта для нее в решившемся возобновлении» [4. С. 391—392]. В этой связи огромная ответственность возлагается и на историографию. Объективность историографии заключается в том, насколько она соотносит свой смыслополагающий выбор с конечной целью (смыслом) самого бытия, который может быть понят человеком при вникании в суть собственной экзистенции. У Хайдеггера есть даже выражение «экзистенция историка» в контексте его собственной историчности. Он замечает, что «экзистенция историка, который «лишь» издает источники, может определяться собственной историчностью» [4. С. 396]. Экси-

стенция историка, таким образом, есть то, что соотносится с экзистенцией человечества или человеческой общности (народа и т.п.). Историк делает отбор исторического материала, исходя из этой соотнесенности и собственного пребывания в историчности. Он ищет смысл, исходя из собственной экзистенции. Его (собственное или несобственное) полагание смысла истории, осмысления исторических фактов, исторических событий и исторического поиска зависит от того, насколько собственно историчен он сам как Dasein. Этот момент мы уже можем перевести в плоскость мировоззрения историка и его эпохи. В самом процессе полагания смысла будет присутствовать исходная внутренняя глубина постижения сути, смысла истории самим историком. В истории же, образно говоря, через понимание человека конечность-смысл прокладывает себе дорогу в историческом воплощении, то есть в мировом значении. И чем яснее человек понимает смысл истории, тем больше он проясняет дорогу, исходно видимую из конечности собственного бытия. Непонимание исторического смысла или его отрицание оставляют будущее, говоря хайдеггеровским языком, потаенным, скрытым, что обрекает человека на блуждание в потемках.

Таким образом, по Хайдеггеру, онтологическое понимание историчности напрямую связано со смыслом истории. Историческая эпоха рождается из одного основофеномена — Dasein и его временности. Историчность — это нечто постоянное в своем возобновлении. Смысл, который онтологически основан в «бытии к концу», поддерживает это постоянство возобновления. Смысл есть импульс и единство всех экзистенциальных моментов и модусов Dasein как субъекта и создателя истории. То, что относится к миру — изменчиво, временно, непостоянно, преходяще, неонтологично и бессмысленно без ведущего и постоянного присутствия смысла. Смысл истории и историчность, выявляемые онтологической феноменологией, — это то, что постоянно в этом текучем изменении. Это то, что возобновляется как постоянный импульс бытия человека, исторического по своей сути. Получается, что бытие человека (человечества) и есть история, а история только тогда и становится историей, когда обретает свой смысл.

ПРИМЕЧАНИЯ

- (1) Существует, например, мнение, что историчность (историческое) — это что-то непотворимое, случайное: «Онтологический аспект характеризует историчность самого человеческого бытия, а именно: подчеркивает изменчивость, неустойчивость, случайность, открытость всего, что связано с человеком и продуктами его деятельности». (Сыров В.Н. Введение в философию истории. — М., 2006. — С. 33).
- (2) Термин «онтофеноменология» встречается у Г. Хюни. См. Историчность мира как предел анализа временности в «Бытии и времени» М. Хайдеггера // Вопросы философии. — 1997. — № 1. — С. 123.
- (3) «Бытие есть всякий раз бытие сущего». (Хайдеггер М. Бытие и время. — М., 1997. — С. 9.)
- (4) Термин «экзистенция» Хайдеггер использует не как обозначение существования человека вообще, а как бытие человека, в котором являет себя само бытие, то есть бытие, которое являет себя в бытии человека.

- (5) Хайдеггер пишет, что от того, знаем ли мы или не знаем историчность истории, «*бытие* сущего, каким является историческое, не утрачивает своей существенности». (Хайдеггер М. Европейский нигилизм // *Время и бытие*. — М., 1993. — С. 150).
- (6) Именно на такое бытие к началу (*Sein zum Anfang*) ссылался Хайдеггер, говоря о необходимости экзистенциально-онтологической экспозиции проблемы истории в самом начале главы «*Время и историчность*».

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Гобозов И.А. Смысл и направленность исторического процесса. — М., 1987.
- [2] Гречко П.К. Концептуальные модели истории. — М., 1995.
- [3] Губман Б.Л. Смысл истории. Очерки современных западных концепций. — М., 1991.
- [4] Хайдеггер М. Бытие и время. — М., 1997.
- [5] Хайдеггер М. Европейский нигилизм // *Время и бытие*. — М., 1993.
- [6] Хайдеггер М. Исследовательская работа Вильгельма Дильтея и борьба за историческое мировоззрение в наши дни. Десять докладов, прочитанных в Касселе (1925) // *Вопросы философии*. — 1999. — № 11.
- [7] Хайдеггер М. Основные понятия метафизики // *Время и бытие*. — М., 1993.
- [8] Хайдеггер М. Прологомены к истории понятия времени. — Томск, 1998.
- [9] Хюни Г. Историчность мира как предел анализа временности в «*Бытии и времени*» М. Хайдеггера // *Вопросы философии*. — 1997. — № 1.

HISTORICITY AND SENSE OF HISTORY IN M. HEIDEGGER'S «BEING AND TIME»

A.P. GLAZKOV

Department of Philosophy
Faculty of Social Communication
Astrakhan State University

Tatischeva str., 20 a, Astrakhan, Russia, 414056

The article is devoted to the examination of the basic notions for the understanding of the essence of the history such as «*historicity*» and «*sense of history*» in Martin Heidegger's fundamental ontology (ontological phenomenology).

These notions are researched on base of existential ontological interpretation of the text of «*Being and time*». It is shown that the in according with Heidegger's philosophy the notion «*historicity*» directly connects with the comprehension of «*sense of history*». In same time comprehension of «*sense of history*» and «*historicity*» at all may be explain through the existential understanding of own temporality.